



Фото с сайта: elitefader.ru

Нефтяные разводы

Ю. Жестин, аналитик журнала «АС»

Да, я был неточен в прогнозе цены на нефть, сделанном в предыдущей статье¹. Но осенью прошлого года мало кто мог предсказать, что она упадет ниже \$30 за баррель и продержится там несколько месяцев. Впрочем, ничего принципиального в экономическую ситуацию в нашей стране этот ценовой провал не привнес, все основные выводы, сделанные полгода назад, остаются актуальными.

Но были в той статье и другие неточности, менее заметные. Во-первых, в рассуждениях о «точке безубыточности». В отношении проектов нефтедобычи этот термин, базирующийся на понятии себестоимости, экономически не слишком корректен. Правильнее говорить о «точке окупаемости» проектов. Это не просто игра словами. Экономика нефтегазовых проектов имеет прямое отношение к тому, что происходит на рынке нефти. Во-вторых, само понятие «цена на нефть». С ним на самом деле не всё так просто, как кажется.

Вот об этом я и намерен на сей раз поговорить – о том, что же такое «цена на нефть», как вообще устроен рынок нефти. Ситуация конца прошлого года подталкивает к тому, чтобы поглубже разобраться в этом вопросе. Можно даже задать его иначе, в эпатажном ключе. Как так получилось, что несколько тысяч трейдеров столь сильно влияют на повседневную жизнь десятков миллионов людей? Странная зависимость: сытые клерки играют в цифры на фьючерсе или в других биржевых системах – а мы с вами в результате их игрищ покупаем продукты в магазинах в полтора раза дороже. Что-то здесь не так, вы не находите?

¹ См. «Арматуростроение» №6-2015, с. 36.

Цена нефти

Реальная нефть на бирже почти не торгуется. Она вся слишком разная по составу и свойствам, из каждого месторождения своя, и только основных сортов в мире более 200. А биржевой товар должен быть стандартным. Поэтому биржи, чтобы торговать нефтью, разработали условные *маркерные* сорта, для которых установлены некоторые средние для данного региона характеристики. Самым любимым маркерным сортом нефтрейдеров является *Brent*² – смесь сырой нефти с 15 месторождений Северного моря. Есть американский сорт *WTI*³ – смесь нефти с Западно-Техасских промыслов. Еще один маркер – *Dubai/Oman*, название говорит само за себя. Российский сорт, усредняющий свойства нефти, поступающей с Западносибирских, Уральских и Поволжских месторождений, называется *Urals*. А цену реальной нефти можно привязать к биржевой цене с помощью определенной формулы, учитывающей отклонения ее характеристик от таковых у маркерного сорта.

Итак, та цена нефти *Brent*, о которой все говорят и пишут и которую можно увидеть, например, на главной странице Яндекс, – это вовсе не цена реальной нефти с конкретного месторождения. И всё бы ладно, формула-то известна... но беда именно в том, что это вообще не цена нефти! Это биржевой курс фьючерсных контрактов на неё! Да-да, не верите – проверьте, на биржах не нефтью торгуют, а фьючерсами! И просто удивительно, что все поголовно говорящие и пишущие о ценах на нефть как бы подразумевают, что это одно и то же, не замечая подмены понятий – сознательно или, скорее, легкомысленно повторяя за остальными. В чем подмена – я постараюсь объяснить.

Фьючерсный (от английского future – будущее) контракт, или просто фьючерс – это вроде бы обычный договор купли-продажи с отложенным на будущее исполнением, который можно заключить на бирже. Но у него есть важные особенности. Прежде всего, он жестко стандартизован. Стороны договариваются только о цене, всё остальное (объем, качество, упаковка, срок исполнения, и т. п.) установлено биржей в спецификации. А главное, такой контракт может быть не только *поставочным*, предполагающим реальное исполнение обеими сторонами, но и *расчетным*, когда при наступлении срока исполнения никто никому ничего не поставяет, а стороны лишь рассчитываются друг с другом, исходя из того, какой оказалась реальная цена предмета контракта.

Чтобы было понятно: расчетный фьючерс – это как бы «спор на деньги». Например, если вы считаете, что 1 января 2017 года доллар будет стоить больше

100 рублей, а я – что меньше, мы можем просто поспорить об этом на рубль, а можем поступить более замысловато: заключить сделку, что я в данный день продам вам доллар за 100 рублей. Если вы окажетесь правы – такая сделка будет выгодна вам: вы мне заплатите всего сотню, а продадите мой доллар дороже; если же тот окажется дешевле, – выиграю я. Но, чтобы выполнить свои обязательства, мне придется купить доллар, затем отдать его вам в обмен на ваши рубли, а вы его вновь продадите. Зачем нам такие сложности? Давайте просто договоримся расчитаться, исходя из того, каким 1 января будет курс: если, например, 90 рублей, то вы мне заплатите разницу в 10, а если 120 – то я вам отдам 20 (разница называется «маржой».) Это и будет расчетный фьючерс. Заметим, что для его заключения и исполнения не нужно знать, как выглядит доллар и что это вообще такое. Достаточно знать его курс на конкретную дату.

Теперь представьте себе, что через неделю после заключения нашего с вами контракта мне встречается неисправимый оптимист Вася Пупкин и заявляет: «Ха! Да доллар 1 января будет меньше 50 рублей!» На что я ему хитро предлагаю: «Давай тогда я у тебя его куплю в этот день за данную цену!» Вася радостно соглашается, мы заключаем расчетный фьючерс... Теперь у меня на руках два контракта: по одному я покупаю доллар за 50, по другому продаю его же за 100. Причем в один и тот же день. Значит, сколько доллар на самом деле будет стоить, меня уже не интересует, суммарная маржа 50 рублей, считай, у меня в кармане! Осталось дождаться 1 января и надеяться, что никто из контрагентов меня не надует.

Чтобы понять, как работает механизм биржевой торговли фьючерсами, к вышеизложенному нужно добавить лишь несколько деталей. Во-первых, покупатель с продавцом (а их многие тысячи) друг друга не видят и не знают. Контракт заключается через электронную систему торгов, и как только он заключен, фактической стороной по нему становится биржа, гарантирующая его исполнение. Во-вторых, хотя контракт при заключении не оплачивается, биржа требует заранее внести определенный депозит – без этого она не смогла бы стать гарантом сделки (или разорилась бы). В-третьих, вариационная маржа считается биржей ежедневно, и трейдеру нет нужды ждать срока исполнения, чтобы забрать свои деньги, если он вчера купил фьючерс дешевле, а сегодня продал дороже. Стоит ли удивляться, что подавляющая доля нефтяных фьючерсов – расчетные, поставками нефти заканчиваются менее 1% от общего их числа?

Наконец, есть еще одна важная тонкость, которую мало кто замечает. В приведенном выше примере мы с вами и с Васей Пукиным расчитывались друг с другом, опираясь на курс доллара, никак не завися-

² Точнее, ВФОЕ, к смеси Brent добавили еще три месторождения, но по традиции или по привычке все продолжают называть этот сорт Brent.

³ Сорт Brent торгуется на лондонской бирже ICE, West Texas Intermediate (WTI) – в Нью-Йорке на NYMEX.

ший от наших споров и мнений – например, на официальный курс Центробанка РФ, который знать не знает ни нас с вами, ни тем более Васю. Исполнение нефтяных фьючерсов тоже вроде бы опирается на «настоящую» цену нефти. Но утверждать, что эта цена никак не зависит от котировок фьючерсов, уже нельзя!

Биржевая торговля нефтяными фьючерсами началась в начале 80-х годов. Поначалу их котировки и цены на нефть вправду формировались по раздельности. Но затем... Первой привязать цену продаваемой в реальном режиме нефти к текущей цене фьючерса придумала мексиканская компания PEMEX в 1986 году. И далее эта идея была быстро подхвачена по всему миру. На то были серьезные основания! Ведь конечные потребители, как и «начальные продавцы», опасаются просчитаться с ценой. Они в большинстве своем не доки в маркетинге, а торговцев, готовых этим воспользоваться, на любом рынке хватает (вспомните 90-е годы в России). Тем более на таком сложном, как рынок нефти. Это ж какой анализ надо провести! Тысячи сделок по всему миру: в Хьюстоне, в Абу-Даби, в Тюмени, нефть вся разная, транспортировка обходится порой дороже ее самой... А тут – как удобно! Посмотрел биржевые сводки – и всё! Так что сегодня почти во всех реальных контрактах цена нефти привязана к котировкам фьючерсов с помощью той самой формулы, что учитывает отличие ее качества от маркерного сорта. Жизнь внебиржевых торговцев подобная практика весьма осложнила. Вот только за 30 лет такой практики на каждого внебиржевого развелась сотня биржевых...

Итак, цена исполнения фьючерсов рассчитывается исходя из цен на реальную нефть, а те, в свою очередь, опираются на биржевые котировки фьючерсов. Казалось бы, ну и прекрасно – значит, котировки фьючерсов вправду отражают цену нефти. Но вот вопрос: а не наоборот ли? Что чего отражает на самом деле? Ведь фьючерсы на порядок ликвиднее, на одной только лондонской бирже ICE объем торговли ими примерно равен всей мировой добыче нефти. И, как уже упоминалось, 99% фьючерсных контрактов – расчетные, то есть, заключаются игроками, не намеренными (и не умеющими) ни покупать нефть, ни продавать.

Увы, это действительно так. Ситуация за прошедшие 30 лет вывернулась наизнанку, рынок фьючерсов вдруг оказался первичнее рынка нефти. Особенно этому поспособствовало появление электронных торговых систем типа форекса, благодаря которому фьючерсный контракт может заключить любой бездельник, не выходя из дома. Фактически цена на нефть сегодня формируется спекулянтами, нефти в глаза не видевшими, а просто играющими на деньги, как в казино. Более детальное объяснение вынесено во врезку, ибо звучит сложновато для непривычного уха. Что поделат: трейдеры обзавелись жаргоном, призванным создать иллюзию сложности

Некоторые подробности

Фьючерсы на нефть выпускаются сроком на месяц. Таинство под названием «экспирация» (англ. expiration – «окончание срока действия») происходит в середине каждого календарного месяца: один тип контракта завершается, другой открывается. Цена, по которой контракты исполняются, равна некоторому расчетному индексу. Для Brent, например, используется ICE Brent Index (на общепринятом слэнге – «биндекс»), который вычисляется биржей по методике фирмы Platt's как средневзвешенная цена всех реальных контрактов спот на данную марку нефти, заключенных за последние 25 дней. Биндекс считается каждый день, и действительно отражает цену реальной нефти. Но котировки фьючерсных контрактов вовсе не равны биндексу. Ведь трейдеры, заключая их, не на текущий биндекс смотрят, а как бы стараются угадать, каким он будет на ближайшее 15-е или 16-е календарное число (в феврале – 14-е). «Как бы» – потому что по жизни они столь далеко обычно не смотрят, а угадать пытаются лишь, каким будет курс завтра. В первые пять или шесть дней обращения нового фьючерса (месяц минус 25 дней) вообще ни один из тех контрактов спот, с учетом которых он будет исполняться, еще не заключен. Курс фьючерса формируется без каких-либо реальных ориентиров, одними лишь ожиданиями трейдеров. А затем, когда эти контракты спот начнут заключаться, в качестве цены в них – может быть, не во все, но в большинстве – будет заложен биржевой курс фьючерса.*

* Спот – тип контракта с исполнением обеими сторонами в течение двух суток, типичный для «кассовых» сделок с нефтью.

той «науки», на которой зиждется их «неподъемный» труд. На самом деле ничего сложного в биржевой торговле нет. Торговать арматурой, а уж тем более производить ее, – гораздо сложнее. Биржевого трейдера можно обучить всем премудростям за месяц, а чтобы вышел хороший инженер – нужны годы.

Да, на срочном рынке присутствуют в роли «хеджеров» и производители нефти – ради того, чтобы подстраховаться от падения цен⁴. Если производитель опасается, что цена нефти упадет ниже критического для него уровня, он продает фьючерсы по сегодняшней, более высокой цене, тем самым фиксируя себе будущий доход, который затем сложится из выручки от продажи нефти и маржи с биржи. Но поскольку подавляющее число биржевых сделок с фьючерсами заключается спе-

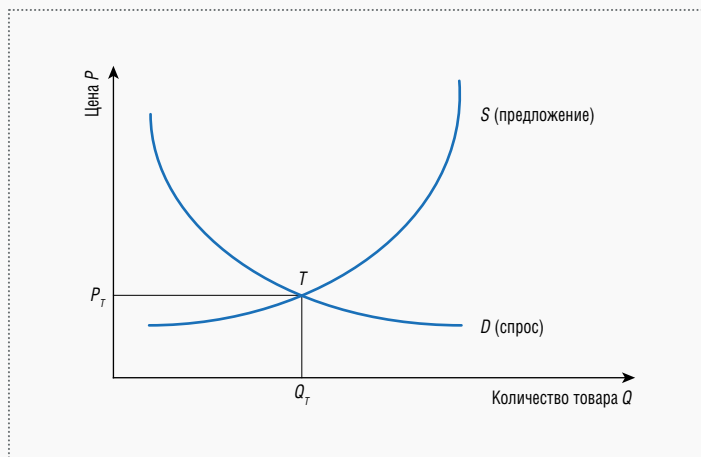
⁴ На биржевом слэнге – «захеджировать риски».

кулянтами, это приводит к совершенно иным законам ценообразования, чем на обычном товарном рынке. Спекулянту ведь всё равно, сколько стоит нефть, он её не добывает. Ему важна только *динамика* котировок.

Рынок обычного товара, согласно классической макроэкономике, устроен так (см. **рис.**). Есть «кривая предложения», показывающая прямую зависимость рыночной цены и объемов производства: если цена слишком низкая, производители, не желая продавать себе в убыток, сокращают производство, если высокая – наращивают. Покупатели же, наоборот, чем дешевле, тем больше покупают, а чем дороже – тем меньше, что отражено в «кривой спроса». Пересечение кривой предложения с кривой спроса, когда их объемы совпадают, даёт равновесную цену.

Рыночная цена колеблется вокруг равновесной: дефицит вызывает рост цены, но затем предложение растёт, спрос падает – и цена начинает снижаться. Избыток, наоборот, снижает цену, но тогда часть продавцов уходит с рынка, а покупатели становятся активнее – и цена возвращается к равновесной. Да, жизнь устроена сложнее, но в целом эта модель «свободного регулирования» неплохо работает на многих товарных рынках.

Но на рынках финансовых инструментов, каковыми являются нефтяные фьючерсы, иные законы. К ним макроэкономика особого отношения не имеет, там царствует «технический анализ», учитывающий не стоимость актива, а психологию торгующих им спекулянтов. Биржевой курс может раскачиваться гораздо быстрее и сильнее, чем рыночная цена в классической модели. Ведь у финансового актива нет себестоимости, он никем и нигде не производится. Если трейдер



думает, что завтра цена упадет, он будет продавать, какова бы она ни была сегодня. Причем самым фактом этой продажи подтолкнет её вниз. И если таковы общие настроения трейдеров – цена может провалиться куда угодно. Впрочем, когда на бирже есть хеджеры, для которых себестоимость – не пустой звук, «куда угодно», конечно, не провалится. Но чем меньше их доля, тем неустойчивее рынок, тем дальше может улечь биржевой курс от экономически обоснованного уровня.

С рынком нефтяных фьючерсов дела обстоят еще веселее. Мало того, что спекулянты со своим «техническим анализом» там составляют подавляющее большинство, так еще и с себестоимостью у нефти не всё так просто. Какую-нибудь другую отрасль ситуация, когда цену на рынке, по сути, определяют игры неграмотных бездельников, давно убила бы. А нефть – добывается себе и добывается. И чтобы окончательно разобраться с её рынком, нам нужно сначала выяснить, что именно «не так» с её себестоимостью.



Фото с сайта: Kitaj Today

Себестоимость нефти

Себестоимость нефти считают все, кому не лень, получая в итоге самые разные цифры. Но почему-то вечно забывают уточнить, что именно посчитали, по какой методике, какие издержки включены. А ведь любой грамотный бухгалтер знает, что в расчете себестоимости *всегда* присутствует определенный произвол. Даже переменные издержки на единицу продукции зависят от метода учета складских запасов. А как разносить постоянные – всецело зависит от учетной политики. (Порядок отнесения затрат на себестоимость, установленный ГНС для целей налогообложения, не единственный и далеко не самый удобный для управленческого учета.)

У промышленной продукции существенную долю издержек, относимых на себестоимость, составляют сырье и материалы. У арматуры, например, это прежде всего сталь (или чугун, или пластик). Причем данные издержки – переменные. Поэтому цена арматуры не может быть меньше, чем ее вес, умноженный на цену материала корпуса. (Точнее, может, только если арматура контрафактная.) Но у нефти такой статьи издержек почти нет. Она течет из недр как бы бесплатно. Какие-то расходы, чтобы ее оттуда достать, конечно, нужны – нефтяных фонтанов нынче уже не встретишь. Прежде всего расходуются электроэнергия, а также вспомогательные материалы – например, реагенты, закачиваемые в скважину. Но всё это вместе в пересчете на баррель даст от силы 1–2 доллара!

Ладно, учтем еще затраты прииска: зарплату его работников, амортизацию оборудования и сооружений, поддержание фонда скважин, а также транспортировку до магистрали. То, что мы получим, можно назвать «операционной себестоимостью добываемой нефти». Она разная в разных проектах, но в большинстве случаев

всё равно не слишком высока: у Роснефти, по ее расчетам – \$4–5 за баррель, Saudi Arabica (крупнейшая в мире добывающая компания) заявляет о \$2. У шельфовой добычи операционная себестоимость повыше – \$15–20. Про сланцевую нефть говорят разное, причем если еще год назад, до ценового провала, чаще звучали цифры \$40–50 за баррель, то сейчас – \$20–25, что отражает не столько развитие технологий сланцевой добычи (которые, конечно, развиваются, но не такими же темпами), сколько жонглирование методиками расчета ради оправдания поведения биржевых цен на фьючерсы. Которые на самом деле с себестоимостью никак не связаны.

Но почему же тогда тридцать долларов за баррель вызвали такую панику? Потому что расходы нефтяной компании далеко не ограничиваются затратами на добычу как таковую. Очень недешево обходится транспортировка нефти: докачать ее от Сибири до западных границ России – это порядка \$10 за баррель. Основную финансовую нагрузку на российские компании, экспортирующие нефть, оказывает бюджет: они отдают ему более половины экспортной выручки. А НДС платится в том числе и с объемов, перерабатываемых внутри страны.

Но главное, что любые нефтяные месторождения имеют дурную манеру истощаться. А по мере своего истощения требуют всё больших текущих затрат. Дебит скважин падает, включаются всё более дорогие методы повышения нефтеотдачи. То есть, операционная себестоимость добычи растет. И чтобы поддерживать и развивать бизнес, любая нефтяная компания вынуждена искать и осваивать новые месторождения. Нужно вести ГРП, потом, когда нефть найдена, запасы ее оценены и признаны пригодными к извлечению, нужно приобрести права на разработку или купить проект, далее нужно устраивать новое месторождение: трубу к нему прове-



Фото с сайта: www.valve-industry.ru

сти, хранилища, дома, дороги и прочую инфраструктуру создать, гору всякого железа завезти и установить. А если речь о шельфе? Платформа – это же крайне дорогое удовольствие! Всё это – инвестиции. И потребный объем их огромен!

Такая экономика нефтедобывающей отрасли заставляет говорить как об основном показателе не о себестоимости, а о сроке окупаемости проекта. Вот чисто условный пример. Пусть инвестиции в некое месторождение составили миллиард долларов. Объем добычи на нем – миллион баррелей в год. Операционная себестоимость плюс транспортировка, допустим, \$10 за баррель. Если компания получает от продажи барреля нефти \$50 (а даже на пике мировых цен российские компании за вычетом отчислений в бюджет получали меньше), месторождение, как несложно посчитать, окупится за 25 лет: 10 миллионов в год будут уходить на саму добычу, а 40 – на покрытие инвестиций. Если же чистая выручка составит всего лишь \$20, то срок окупаемости вырастет до 100 лет. И это мы еще не учли, что по мере выработки месторождения затраты на добычу будут расти, причем на 100 лет нефти там, скорее всего, просто не хватит.

А теперь вопрос: будет ли условная компания в приведенном выше примере продавать нефть по \$20? Будет! А куда ей деться? Хранилища-то не бездонны, а просто так взять да остановить добычу не получится, это процесс непрерывный. Сегодня цена упала – остановили, завтра выросла обратно – опять запустили? Так не бывает! Консервация скважин – это дорого и сложно (а в некоторых условиях практически невозможно). Но как же поведет себя компания, если цена на нефть упадет... нет, не ниже себестоимости, но ниже того уровня, который позволяет обеспечить разумный срок окупаемости типичных проектов? А вот как: она заморозит новые проекты, сократит ГРП. То есть, остановит инвестиции. На текущую деятельность ей денег хватит, а развитие придется притормозить.

Разводы нефти

Вот теперь мы можем отметить важное отличие рынка нефти от классической модели товарных рынков: кривая предложения устроена на нём совсем иначе (если вообще имеется). Даже при падении цен до \$25 за баррель сокращать традиционную добычу невыгодно: операционная себестоимость всё равно ниже. Наоборот, хочется её нарастить, дабы компенсировать выпавшие доходы. На практике предложение нефти регулируется не столько рынком, сколько различными картельными соглашениями. Разве что сланцевая добыча в этом плане более подвижна (и трейдеры пристально следят за ее объемами).

Наконец, еще один важный момент, который следует понимать, глядя на кривой крестик спроса и предложения. Если спрос увеличился и цена пошла вверх – объемы производства сразу ведь не нарастишь! В зависимо-

сти от того, о каком продукте речь, на это нужны недели или даже месяцы. Сократить производство, если спрос упал, можно быстрее, но тоже не мгновенно. То есть, любой рынок в той или иной мере инерционен, и есть некоторое характерное время, за которое он способен изменить свои параметры. На слишком быстрые колебания рыночных цен он просто не успеет отреагировать. Их, собственно, и не бывает на обычных рынках. Они типичны лишь для биржевых торгов, где цены порой в течение дневной сессии летают туда-сюда на несколько процентов, потакая информационным вбросам.

Рынок нефти – инерционен крайне! Конечный спрос реагирует на цену вяло и медленно, с лагом в несколько месяцев. Да, если бензин подешевеет, его станут покупать больше, но от скважины до АЗС путь долгий. А в целом объем спроса на нефть связан скорее с глобальными колебаниями экономики, чем с ценой – такой уж это продукт. Предложение же и вовсе на таком коротком интервале на цену не реагирует, кроме разве что сланцевой нефти. Точнее, реагирует через политику: чтобы остановить падение, всякие видные деятели принимаются делать заявления о скором сокращении добычи. (И голых заявлений, кстати, порой хватает: трейдеры больше любят информационные вбросы, чем экономические факты.)

Но вот в чем беда. Если низкая цена на нефть продержится достаточно долго, предложение все же отреагирует, только совсем медленно, с лагом в несколько лет, когда аукнется сокращение инвестиций в новые проекты. И настанет дефицит, и трейдеры взвоят цену до \$200, и будет им счастье... А нам?

Поставим прямой вопрос: отражает ли биржевой рынок нефтяных фьючерсов экономическую ситуацию со спросом и предложением нефти? Ответ: только лишь в отношении общей динамики на достаточно длительном промежутке времени. Скажем, снижение цены барреля во второй половине 2014 года имело под собой серьезные макроэкономические основания: развитие сланцевой добычи, с одной стороны, и торможение роста китайской экономики, с другой. Заметьте: именно *сам факт* снижения имел такие основания. А вот уровень цены по его итогам (менее \$30) уже весьма произволен: это скорее результат «медвежьих игр»⁵ трейдеров, чем экономических расчетов. Если же вести речь о колебаниях биржевой цены в пределах пары месяцев, не говоря уж о днях – то их смело можно считать чисто спекулятивными.

Заметим, что трейдерам выгодно затолкать цену нефтяных фьючерсов (а значит, и реальной нефти) как можно глубже в подвал. Ведь чем ниже цена опустится и чем дольше там пробудет – тем выше потом взлетит. Трейдеры просто раскачивают рынок, пользуясь инерци-

⁵ «Медведями» называют биржевых игроков, сделавших ставку на понижение цены. Для этого они продают торгуемый актив, чем подталкивают его цену вниз. А оптимистов, играющих на повышение, называют «быками».

онностью отрасли. Имея с этого миллиардные барыши. За что они получают свою маржу? Что полезного создают для людей?

Экономический смысл любого фьючерсного рынка – страхование рисков производителей, получающих выбор: продать свой продукт по текущей цене или по будущей. Нефтяные фьючерсы тоже служили этому на заре своего бытия. И до сих пор служат. Вот только нынче рынок фьючерсов сам же и создает те риски, от которых затем страхует – принцип работы у него такой же, как у бандитской «крыши».

Привязка контрактных цен нефти к котировкам фьючерсов тоже имела смысл, сократив финансовые потери производителей и потребителей от деятельности посредников. Но с развитием интернета, с одной стороны, возникла возможность на одном экране видеть весь рынок контрактов спот и, при желании, не позволить посреднику себя обмануть, с другой стороны, появился удаленный доступ к биржевым торгам не только у профессиональных биржевых брокеров, все-таки обычно достаточно грамотных, а у всех желающих; количество чистых спекулянтов на рынке резко выросло, и потери реальных участников рынка на корм всей этой ораве стали даже больше, чем раньше, просто в другой, менее явной форме – в форме потерь из-за быстрых колебаний курса.

И получается, что та структура рынка нефти, которая сложилась в 80-е годы, к сегодняшнему дню приносит нефтяной отрасли больше вреда, чем пользы. Раскачивая рынок, спекулянты мешают ее нормальному развитию. Более того, они залезают в карман каждому из нас! Ведь нефть – такая штука, что вместе с ее рынком раскачивается вся мировая экономика, в особенности экономики тех стран, которые сильно зависят от экспорта нефти, включая, увы, Россию. Нестабильность – это дополнительные

риски, которые любой хозяйственный субъект старается учесть в своем бизнесе: банки поднимают процентные ставки, оптовики накручивают рублевые цены. И страдают от этого производители и простые люди, то есть, мы с вами и с Васей Пупкиным, несмотря на весь оптимизм последнего.

Рынок нефтяных фьючерсов, как и многие другие элементы мировой финансовой системы, постепенно из полезного придатка превратился в паразита, сосущего соки из мировой экономики. Почему же сей паразит живет и процветает? Примерно потому же, почему столетиями гуляет, купаясь в роскоши, королевский двор, пока вокруг мрут с голоду крестьяне. Потому что власть в нашем мире принадлежит финансам, а не нам с вами. Я об этом подробно писал еще восемь лет назад⁶. А на сей раз просто проиллюстрировал на конкретном примере один из механизмов паразитирования: подмена рынка товара, имеющего созданную трудом стоимость, рынком производного финансового инструмента, с запуском сопутствующих мифов (о том, например, как сложно торговать фьючерсами, и как они ужасно важны для справедливого регулирования рынка нефти).

Финансы стали в нашем мире новой религией. Мифы, на которых она зиждется, очень устойчивы, их не перешибить и тысячей подобных статей. «Королевская власть – от Бога», и попробуйте доказать обратное средневековому крестьянину. Мир неудержимо катится в сторону постиндустриального общества бездумных потребителей, и куда сей тренд в силе, культ финансов незыблем. Show must go on!

Но знаете, с годами я почему-то все чаще испытываю к служителям этого культа не зависть, а жалость...

⁶ См. Арматуростроение №6-2008, с. 32.



Фото с сайта: photobucket.com

Гусар



Современное российское производство
высококачественной трубопроводной арматуры.
Завод «Гусар» — поставщик ведущих компаний России.

Российское – значит лучшее!

Все затраты по доставке продукции в любую
точку России «Гусар» берёт на себя!



ООО «Гусевский арматурный завод «Гусар»
601506, Владимирская область, г. Гусь-Хрустальный, ул. Транспортная, д. 57

Тел.: +7 (499) 553-00-33, +7 (49241) 3-44-06

mail@gusarm.ru | www.gusarm.ru